

*Всем мальчикам и девочкам,
которые умеют заниматься любовью
с открытыми глазами,
целуясь и смеясь*

Выражаю благодарность друзьям, Ксюше Дудник и Денису Казакову, с которыми мы, вооружившись то вином, то кофе, читали главы вслух, смеялись, вздыхали и подбирали правильные слова. Люблю

Смешивание себя с дерьмом указывает
на поиск абсолютной чистоты.

— *Вадим Демчог.*

Из спектакля «Закрой глаза и смотри»

ОБ АВТОРЕ

Я узнал о Даше Пахтусовой, как и десятки тысяч человек, в 2015-м, когда она завела блог «ВКонтакте». Даша жила в постоянном путешествии, ввязывалась в авантюры и писала литературу, пусть тогда еще не переплетенную в книги, а приходящую в виде уведомлений о новом посте. Потому слово «блогер» казалось ей уничижительным. Путешествия были лишь сменяющимися декорациями, в то время как она искала ответы на вопросы экзистенциальные.

Даша преподносила идею, едва поддающуюся осознанию большинству наших сограждан: вы можете жить так, как хотите, и вариантов бесконечное множество. Люди, прежде чувствующие себя не вписывающимися в рамки социальной нормы, любопытные и жадные до жизни, неожиданно ощутили, что у их мыслей появился голос. Так аудитория Дашиного публика стала сообществом. Квартирники и концерты — местом встреч. Читатели приходили туда, чтобы найти своих. «Свои» впоследствии становились супругами, попутчиками и лучшими друзьями.

Ее первый роман «Можно все» собрал не только честную историю о семи годах путешествий, но и запечатлел это движение — людей с творческим подходом к жизни, отправляющихся на другой конец света без гроша, ценящих эмоции и опыт превыше материальных благ.

Весь период нашей дружбы я наблюдал, как она отчаянно ищет точки стабильности, но в отсутствие движения Даша становится опасна для общества, а главное — для себя. В конце концов, любые опоры уходят из-под ее ног, кроме одной — творчества.

В мае 2023-го мы сидели за столиком паба в Тбилиси с двумя незнакомцами, любезно предложившими присоединиться, поскольку свободных мест не было. Они пытались угадать, чем

Даша занимается. Догадки закончились на «поэзии» и «стендапе». Даша ответила: «Где-то между», и думаю, это самый верный ответ. Комичность ее наблюдений всегда переплетена с красотой, замечать которую мы в XXI веке разучились. Она пояснила, что пишет непридуманные истории о жизни, и добавила, что это идеальная работа — ей просто нужно интересно жить. Но, как известно, интересно — не исключительно радостно. Интересно — значит красочно, когда в палитре присутствуют все цвета.

Жизнь и текст переплелись в лице Пахтусовой. Бывает, она ловит тебя на фразе, кричит: «Отлично сказал!» — и записывает. А иногда, в слезах изливая душу, вдруг останавливается и выдает: «Черт, надо было ставить диктофон». Она не пишет текст о мужчине, пока мысленно не попрощалась с ним, но, завязав новый роман, сразу оценивает, насколько красив сюжет. Говоря о любви, Даша не раз повторяла: «Ни о чем не мечтаю так сильно, и ничто не дается мне так тяжело». Порой кажется, ей хочется быть слабой, только она сильнее большинства мужчин. Пока те робеют, Даша играет олл-ин и не переносит невзаимность. За два года, описанные в этой книге, она позвонила мне раз двадцать со словами «Я влюбилась!» и всегда была честна. Затем очарование, конечно, приводило к разочарованию. Я не встречал никого, кто умеет любить так же ярко, но обратная сторона тому — абсолютное испепеление, что неизменно происходит с ней, когда сказка терпит поражение. Даша считает, что она больна. Я считаю, что нам с вами крупно повезло, поскольку никто другой не описывает так филигранно американские горки, на которые мы без ремней безопасности сесть никогда не решимся.

Ее предыдущая книга начинается с цитаты Марка Твена: «Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре — что мало любили и мало путешествовали». Даша рассказала о дороге все, что нам нужно было знать, теперь давайте о любви.

*Денис Казаков,
журналист, писатель,
автор подкаста «Где Казаков?»*

ПРОЛОГ

Н и с чем не спутаешь чувство, когда он впервые обнимает тебя сзади, мужская рука ложится на впадинку талии, ты кладешь ладонь на его предплечье, делаешь глубокий вдох и вдруг всем телом чувствуешь: это оно. Ты дома, в защите. В тех самых руках. Понимаешь, о чем я? Так вот, эта книга не об этом.

Все должно было быть не так.

В детстве я была уверена, что встречу того самого, мы сыграем свадьбу и проживем вместе долго и счастливо.

Представь мой ужас, когда я нашла того самого, а он меня — нет. Его звали Сережа Моржов. Я любила Сережу отчаянно и безвозмездно пять школьных лет. Первые три Сережа об этом не знал. Следующие два, к сожалению, знал. Как и весь класс. Как и вся школа. Как и моя подруга, которая стала с ним встречаться. Я слушала грустные песни, чахла, сохла, дохла, а потом нам исполнилось пятнадцать. Самая большая близость с Сережей к тому моменту заключалась в трех играх в «Бутылочку», где та самая бутылочка указала на него.

У меня уже были какие-никакие представления о физической составляющей мужчин. И вот случилось невероятное: Сережа оказался в моей постели. Мы начали неумело друг друга трогать. Сережа — еще более неумело, чем я. Я запустила руку ему в штаны, и... о, ужас! Помнишь стручок фасоли на ощупь? Так вот, это был он. Так моя самая первая, платоническая, светлая любовь впервые встретилась с реальией взрослого мира. Помню, лежала, смотрела в потолок с приклеенными фосфорными звездочками и не могла понять, что было лучше: так и любить Сережу всю жизнь, сохранив магию, или разбейать ее о правду и больше не париться?

А потом была вторая первая любовь, куда больше реальная, чем совместные уроки в одном кабинете. Но и там не сложи-

лось: он хотел жить в деревне, я — во всем мире. В третий раз я попробовала построить отношения на страсти. Ни хера не вышло. Потом — снова на любви, без особой страсти. Опять не получилось. Потом на страсти и любви, но его страсть и любовь к наркотикам оказалась сильнее.

И вот она я. Мне тридцать лет. Я разочаровалась. Вернее, заебалась очаровываться. Отсидела десятки часов в психотерапии и пришла к гармонии и любви к себе.

Словом, повзрослела.

Я не была готова к двум вещам: отношениям абы с кем и отсутствию секса.

С одной стороны, я не горжусь тем, что было в следующие два года. С другой — еще как горжусь; не понимаю, почему только мужские победы в постели считаются за победу. Достойного мужчину, знаешь ли, тоже нужно найти и склеить.

Я всегда любила мужчин. Они — моя муза, вдохновение, вторая сторона.

Лишившись потребности использовать их как костыль, я научилась принимать мужчин какими есть. Дивилась их природе. Искренне любила в моменте каждого, с кем спала и говорила ночами. Понимаешь, я перестала оценивать, учить жизни и упрекать. Почему мы думаем, что, если любим мужчину, это должно проявляться в снисходительном желании его «причесать»? Выдавить все прыщи на спине и наконец-то устроить на *хорошую* работу. Ввиду приобретенной легкости со щепоткой контрзависимости за два года я переплюнула собственную цифру за всю жизнь.

Девушкам не принято говорить о том, что же они делали, пока ЕГО не было. Мы часто скрываем реальное число любовников и приключения, о которых можно писать отдельную драму, комедию и даже детектив. Я всецело понимаю эту тактику. Правда. Но, видишь ли, помимо девушки я еще писатель и не могу оставить мир без этих охуительных историй.

Располагайся поудобнее. Я приглашаю тебя в приключения, куда более знакомые, чем джунгли Боливии, пещеры Индии и кремниевые долины Штатов. Ведь все мы путешествовали в эту удивительную страну под названием One Night Stand...

ГЛАВА 1

АЛЕКС

Все мы знаем, как работают расставания. Пока не переспишь с кем-то другим, остается призрачная надежда, что это не конец. Мне нужно было немедленно ее лишиться. Когда твой жених говорит: «Ты напоминаешь мне маму, и иногда я, как отчим, хочу тебя зарезать», любой пакет с головы слетит. Мы расставались в Калифорнии сразу после Нового года. Я собрала чемоданы, взяла пса и улетела в Мексику.

Пса звали Гоша. Не самое замысловатое имя, я бы придумала Элвис или Эрнест, но Гоша был из приюта, и его уже так звали. Гоша достался мне случайно. Мы жили с парнем в его родном Калининграде, мне часто бывало скучно, я стала гулять с собаками из приюта и в итоге забрала одну себе. За два года нашей совместной жизни этот метис таксы со сломанной задней ногой и пневматической пулей в брюхе успел пересечь Мексику, пожить на берегу Тихого океана, поиграть в американскую мечту в Калифорнии, изобразить из себя гедониста в Петербурге и вечно снующего по делам москвича. У Гоши была одна слабость — кошки. Они приводили его в состояние абсолютного восторга. Увы, не самого безобидного. Глаза загорались, в них читалось лаконичное: «Поймать и убить». Чаще всего у него ничего не получалось, но летальные исходы в его резюме имелись. В том списке побочки свободного воспитания также числились одна крыса, два опоссума и с десятков мух. В остальном это был самый толковый и почитаемый джентльмен, производящий на всех неизгладимое впечатление. Люди не могли понять, как нечто длинное на четырех коротких нож-

ках может смотреть на тебя таким проникновенным взглядом и не пытаться сожрать без разрешения оставленную без призора сосиску. Он редко ходил на поводке, переходил дорогу по зебре и даже умел выгуливать себя сам. Звучит дико, но что ты хотел? Какая мать — такой и сын. Откровенно говоря, мне повезло. Могла достаться глупая собака, а досталась интеллигентная.

Солнечная Мексика — Мекка всех разбитых сердец. Послушай историю любого «гринго» и быстро узнаешь, что он пытается забыть. Лучшая подруга, ставшая тут местной, быстро ввела меня в курс дел, и я скачала старый добрый отвратительный «Тиндер». Моего избранника звали Алекс. Алекс был успешным архитектором. А еще он был Рыбой по гороскопу и мудаком.

Я стараюсь не использовать это слово. Мы, девушки, любим выписывать мужчинам неизлечимый диагноз «мудак» без лишних объяснений. Ну а зачем? С реальными аргументами можно поспорить, а на слово «мудак» понимающе кивнет даже кассирша в «Пятерочке». Но в данном случае сделаем исключение, потому что если у слова «мудак» и есть официальная этимология — поверь, Алекс был показательным представителем.

У Алекса была отработанная схема. Сначала он идет на свидание в бар, где без особого интереса, но сексуально глядя в глаза выстраивает какое-никакое общение и для пушшего охмурения показывает свои работы обладательнице вагины, в которой намеревается провести ночь. Далее предлагает прогуляться до круглосуточного магазинчика за вином, просит постоять на входе с его собакой и ведет через дорогу к себе домой.

Я виню себя за одно: надо было догадаться обо всем по собаке. Она была бешеной и неадекватной. И вот мы у Алекса дома. Он поставил вино на стол, я села на край кровати. Больше нигде было сидеть.

— Что хочешь делать? — вежливо спросила я, заминая повисшую паузу.

Тут Алекс приблизился и внезапно поцеловал меня взасос. Конечно, хотелось бы сначала поболтать за бокалом вина.

Я люблю вино. С вином все становится приятней и интересней, особенно мальчики, с которыми не о чем трахаться; но что ж. В конце концов, цель — перебить бывшего. Кем — не столь важно. Мы стали целоваться. Я не успела понять, как его голова оказалась у меня между ног. Знаешь, как оно бывает: когда кто-то занялся с тобой оральным сексом — ты будто торчишь ему секс в ответ. «Ты никому ничего не должна!» — скажут сейчас все правозащитники, и я полностью с ними соглашусь. Но в моменте срабатывает ублюдская вежливость. Старался же человек... Я опускаю руку и капитально разочаровываюсь. Понимаешь, не с чем, так сказать, работать... Ювелирная будет работа, а у меня с ней всегда было плохо. Попроси связать фенечку — я с криком порву ее на хер уже через пару минут.

Секс был провальным. Я хотела уйти с середины, но он бы заметил.

И вот я кое-как сворачиваю лавочку, Алекс провожает меня до дома, целует и больше не пишет. Никогда. Дорогие юноши. Пишите девушкам с утра. Это ведь элементарный этикет. Может, я там умерла уже в конвульсиях после всех оргазмов? Собственно, маленький хуй бы с ним. Но самое интересное началось дальше.

Судьба не оставляет вопросы неразрешенными: мы виделись везде. Гвадалахара — большой город, и все-таки каким-то чудом мы постоянно натыкались друг на друга. И каждый раз Алекс был с новой пассией, и каждый раз он делал вид, что меня не знает. Иногда я получала еле заметный кивок.

А потом переехала в деревушку на берегу Тихого океана. Население — 500 человек. И кто шел мне навстречу? Конечно, Алекс с новой бабой. Он бросил короткое «хай» на мой открытый ебальник и даже не замедлил шагу. На пляже Алекс случайно кинул мяч своей собаки прямо в меня. Я подняла его, передала и в лоб спросила:

— Ты меня что, игнорируешь?

— Немножко, — ответил он с неудобной улыбкой и убежал обратно к девушке.

Я провела в Мексике три месяца. По большей части зарывшись в психологии. Там же научилась просить прощения

и не оставлять за собой конфликты. Мне удалось вернуться к себе. И только один негативный момент остался неразрешенным — игнор от Алекса. Именно об этом я думала, возвращаясь с друзьями с прощального ужина в Гвадалахаре, откуда улетала наутро домой. Тут Гоша увязался за какой-то овчаркой. Конечно, это была та самая сучка того самого архитектора. Конечно, он шел впереди с новой дамой и, увидев Гошу, резко прибавил шагу.

— Слушайте, ребят, — выпалила я, набравшаяся смелости и алкоголя. — Мне надо кое-что сделать. Я всецело осознаю, что это может выглядеть по-уродски. Если захотите уйти и сделать вид, что меня не знаете, — я с уважением приму ваше решение.

Ребята остались. Минуя ничего не подозревающую девушку с тем же красным веревочным поводком, который когда-то держала я, ваша покорная пьяная слуга внеслась за Алексом в магазин.

— Кубребока! Кубребока!¹ — драматично закричали на меня продавщицы.

Натянув маску на одно ухо, я нашла его в винном отделе.

— Привет! Скажи, пожалуйста. Я сделала тебе что-то плохое?

— Нет..

— Может быть, я тебя как-то обидела? Задела?

— Нет..

— Тогда почему ты меня игнорируешь?

— Я тебя не игнорирую..

— Ты сказал мне на пляже, что игнорируешь меня «немножко»! Почему? Что я тебе такого сделала, что ты по факту бежишь с улицы, лишь бы со мной не встретиться?!

Алекс от страха сменился в лице. Все, что он смог сказать:

— Я не бежал..

И тогда я поняла: нет никаких мудаков. Есть трусы.

Впервые за всю жизнь я высказала парню все, за всех девчонок. А он, словно рыба, молча открывал рот, но так и не придумал, что сказать. Закончив матерный монолог, я вышла из

¹ Кубребока – «маска» в переводе с испанского.

магазина и встретила глазами с его новой пассией, которая еще не подозревает, как разочаруется через сорок минут.

— Я скажу это из женской солидарности: этот парень — мудака. Сейчас он ответит тебя домой, вина ты не выпьешь, а вместо этого займешься хуевым сексом, и потом никогда тебе не позвонит.

Помню, как киношно она выронила из руки поводок.

Жаль, мы до сих пор не придумали книгу жалоб и предложений для любовников.

Или трудовую книжку с записями от предыдущих сексодателей. Думаю, тогда бы каждый из нас писал: «Доброе утро. Спасибо за проведенное вместе время. Ты как?»

А насчет ювелирных работ наутро подруга мне скажет:

— Дорогая, ну конечно! Это же Мексика! Забирай мой прием: прижимаешь парня к стенке на улице, страстно целуешь и незаметно проверяешь рукой, что там по размерам, пока он еще в штанах.

С мексиканцами я больше спать не стала. Но прием подруги запомнила.

ГЛАВА 2

ВЭСС

Изначально, прилетев в Мексику, я заселилась в желтый уголок рая под названием «Дом Канарейки». Это были комнаты по «Эйрбиэнби» с общим садом, кухней и крышей с качелями. Я сняла номер с Владой — подругой, с которой мы когда-то проживали самый яркий год молодости и были предельно дурны. Нам казалось, что весь мир у наших ног, и именно поэтому так оно и было.

Прошла неделя, когда в дом зашел высокий блондин в солнечных очках, с походным рюкзаком и пленочной камерой на шее. Он говорил с хозяйкой на беглом испанском, на испанца совсем не походя. Она проводила парня в ту самую комнату наверху, на которую я заглядывалась, когда селилась.

— Мы бы отдали ее вам, — говорила хозяйка, — но комната уже зарезервирована до июля.

И как же мне с этим повезло. Представить не могу, как выглядел бы тот месяц, если не Вэсс. Он галантно представился оборожительным низким голосом:

— Вэссел. Друзья зовут меня Вэсс.

Я занеслась в комнату с визгом: «Влада! К нам въехал красивый нидерландец!»

На вторую ночь я поднялась в его комнатку, которая сразу оживилась при новом хозяине. На полке красовался виниловый диск TEXAS, на стене висели пленочные камеры и пара рубашек. У прикроватного столика лежал голубой томик Керуака и деревянные четки.

Вэссу было двадцать три. Он приехал сюда по студенческой программе обмена изучать бизнес, был простым парнишкой

из маленького городка. Он увлекался мотоциклами и гитарами. Нет, увлекался — не то слово. «Увлекаться» — от слова «влечение». Вэсс же уже давно и по-настоящему их любил. Он работал в лучшем магазине гитар в Нидерландах и открыл свой собственный, с фототехникой.

Каждая его гитара стоила серьезных денег и была коллекционной. Живя в Европе, Вэсс часто отправлялся путешествовать на мотоциклах со своей стайей, где друзья разнились в возрасте от двадцати до шестидесяти. Он никогда не брал с собой палатку, а просто натягивал под углом тент, используя мотоцикл как стенку. Несколько лет назад Вэсс похоронил отца, остался единственным мужчиной в доме, заботился о матери и двух сестрах. Он был из здоровой любящей семьи — это сразу чувствовалось, как чувствовалось и то, что история с папой сильно его взрастила. Не возраст делает нас теми, кто мы есть, а опыт, и ничего более.

Мы посмотрели «В дороге» по Керуаку, выпили бутылку вина и теперь лежали на его кровати, перекрестив ноги, будто встречаемся много лет. Обсудив все, что могут обсудить двое молодых путешественников на другом краю земли, я задумчиво сказала:

— Мы проживаем столько историй, незнакомцев... А потом все превращается в пеструю кашу, из которой мало что вспомнишь. Как бы нам запомнить друг друга навсегда? Давай сделаем вместе что-то, чего мы еще никогда не делали.

— Я никогда не целовал русскую девушку... Хотя нет. Целовал.

— А ты когда-нибудь гулял по улицам Мексики голым?

— Нет.

— Я тоже. Как думаешь, мы это запомним?

— Наверное, запомним.

— Тогда пойдем?

— Пойдем!

Мы встали с кровати, спустились к входной двери, полностью разделись в коридоре и вышли на улицу Мигеля Бланко, держась за руки, как братья по борьбе с преждевременной смертью от скуки. Время было около часу ночи. Асфальт приятно грел ступни, на улице стояла тишина. В нескольких кварталах повернула машина, сверкнула в нас фарами и вновь исчезла в темноте.

— Так, сюда лицом мы постояли, я вроде запомнил. Ты как, запомнила?

— Вроде запомнила.

— Теперь давай в другую сторону постоим.

Мы повернулись и задумчиво уставились на католическую церковь. Только вернувшись в отель и неспешно натянув на себя трусы, мы заметили, что в коридоре прямо на нас все это время пристально смотрела скрытая камера. Не знаю, просматривали ли хозяева «Дома Канарейки» запись той ночи, но если да — я бы многое отдала за то, чтобы видеть их лица. Сам представь: твои гости подходят к двери, полностью раздеваются и выходят на улицу. Хрен знает что тут думать.

Так или иначе, мы подружались и спустя две недели обоюдной симпатии решили переспать. Что было дальше? Доставай носовой платок... Это был первый случай в моей жизни, когда человек был настолько плох, что переручивать бессмысленно: он несколько раз чуть не откусил мне соски, почти оторвал клитор, а затем, по-видимому, решив, что произвел недостаточное впечатление, использовал мою вагину как тромбон с детскими пукающими звуками — изо всех сил в меня дуя. Не знаю, чего он пытался добиться. Может быть, он мечтал о женщине-шаре? Это было настолько странно, что я предпочла сделать вид, что все это мне показалось, потому что, как прокомментировать такую технику, я не знала. Параллельно он терся об меня жутко колючей побритой грудью. Парни, честное слово, лучше мужчина с волосами, чем с наждачкой.

Прошло время, мы попробовали снова. Но и вторая попытка закончилась абсолютным фиаско. Мы честно все обсудили и решили остаться друзьями.

И все-таки Вэсс спас меня, как спасало так много незнакомцев. Следующий месяц я просыпалась под доносящиеся с верхнего этажа песни, засыпала, получив крепкие объятия перед сном. По вечерам мы смотрели кино. Днем занимались йогой, ходили за продуктами. Утром варили кофе на двоих. Просто жили. Гвадалахара стала терминалом. Паузой между реальностями. И в этой паузе у меня был прекрасный компаньон, который умеет то, что умеет так мало мужчин: заставить смеяться, когда ты плачешь.

ГЛАВА 3

ХАВЬЕР

Мы познакомились с Хавьером странным образом. Кто-то на главной площади сказал: «А вон тот пацан говорит по-русски, ты знаешь?»

По-русски он, конечно, не разговаривал, зато проехал почти всю Россию, жил в Грузии, Казахстане, а сам был из Колумбии. Лучезарный кудрявый журналист-путешественник. Из моей стаи. Глаза его горели от жизни, и он соглашался на любые ее предложения.

Как-то раз Хавьер задался вопросом, а где же конец света? И решил, что у каждого конец света свой. Это точка на земле, противоположная точке, где ты родился. Он узнал точные координаты места своего рождения и, сделав расчет, нашел свой конец. Конец был где-то в болотах Индонезии. Хавьер отправился туда. Места оказались не только непроходимые, но и крайне опасные. В итоге Хавьер добирался на машине с мальчишками, которые слишком боялись отпускать его одного. Попасть туда можно было только через чужую территорию маковых полей, выращиваемых для производства героина. Точка оказалась в воде посреди, туда он добирался на оставленной кем-то на берегу лодке и сделал заветную фотографию, где он, до ужаса счастливый и голый, победно поднимал руки над водой. Это фото висело на стене его новенькой квартиры.

Как-то раз я предложила ему меня сфотографировать. Хавьер получил высшее образование по фильмографии. Я стояла в желтом платье с желтыми цветами и кидала по одному в

него, напоминая себе Маргариту, которая идет по улице с дурацким букетом, чтобы Мастер ее нашел. Выходило потрясающе... В замедленной съемке он действительно снимал полноценное кино. Я никогда не видела себя такой.

Все становится красиво, если немного замедлить, и по-муравьиному бессмысленно, если ускорять. Только представь, насколько бесполезно выглядела бы со стороны наша жизнь, поставь ее на перемотку в $\times 5$? Интересно, космос примерно так нас видит?

Закат на улицах пропал быстро, и мы попытались поймать его на крыше. С крыши переместились в квартиру. И тут во всем квартале отключили свет. Мы зажгли свечи. Хавьер перешел на черно-белый режим, балансируя с камерой в одной руке и открытым на белой странице ноутбуком в качестве света в другой. Меня удивляло, как человек с только что разбитым сердцем может так красиво смотреться в кадре.

В перерыве мы выкурили косячок, и тут Хавьер как журналист устроил мне несогласованное интервью на личные темы. Это походило на своеобразное занятие сексом. Видишь ли, с одноразовыми любовниками ты часто не успеваешь поговорить о действительно личных вещах. Наш разговор был приятнее и интимнее, чем физическая связь со многими. Он сочинял очередной вопрос, а я, прищурившись, посмотрела ему в глаза и прямо спросила: «Хавьер, ты хочешь заняться со мной сексом?»

Иначе секс не обсуждают так дотошно. Он как будто ожидал эти слова, потому что не замаялся ни на секунду, а только пожал плечами и, будто продолжая предыдущее предложение, чинно ответил:

— Спасибо. Я бы определенно хотел, но у меня есть девушка, она в другой стране, я продержался уже два месяца, осталось чуть-чуть, и это было непросто.

— Ты меня не понял. Я не предлагала. Я спросила, хочешь ли ты заняться со мной сексом.

Недопонимание вышло очаровательным. Но в тот момент сработал мой любимый идиотский заскок. Предложи ребен-

ку все шоколадки и скажи, что нельзя только вот эту, понятно, какую именно он будет требовать в истерике. Как бы то ни было, Хавьер сделал мне другое предложение, от которого я могла отказаться. Но не отказалась. В ту ночь было полнолуние, и он сказал: «Я предлагаю снять, как ты танцуешь на крыше голая под луной».

Он поставил Cigarettes after sex, в ту ночь она должна была называться Cigarettes after sex you can't have¹, и я стала танцевать; что из этого вышло — я не знаю, но выдавший многое Хавьер был в абсолютном восхищении. Мы вернулись домой. Было за полночь. Мой автобус должен был стартовать в семь утра, а я даже не собрала вещи.

— Хочешь поваляться вместе? — галантно спросил он.

— Хавьер... Ты понимаешь... Это все равно что сказать: есть вкусное мороженое, самое вкусное на свете, но ты его можешь только лизнуть. Нет, это некорректно... Скорее, понюхать. Ты станешь его нюхать?

— Я такой человек, который между ничем и чем-то всегда выберет что-то.

Я сдалась. До утра мы играли в секс. Мы не раздевались и не целовались. Но вскоре я с трудом могла отличить то, что между нами происходит, от настоящего секса. Мы двигались так, будто голые и он во мне. Все это было... невинно. Словно мы в детском лагере и еще ничего не знаем про секс.

До автобуса оставалось два часа.

— У меня никогда не было оргазма от парня, с которым я даже не целовалась.

Мы засмеялись. Он проводил меня до дома. В ноутбуке уже были все отснятые фотографии. Все, кроме тех, что под полной луной. Их я никогда не увижу. Забирай у фотографов исходники сразу. На всякий случай. Поверь, я знаю, о чем говорю.

¹ «Сигареты после секса, который ты не можешь получить» (англ.).

ГЛАВА 4

МАТЕО

Всю поездку в автобусе я проспала. Четыре с половиной часа прошли незаметно.
— Саюлита! — крикнул водитель, и вереница людей потянулась к выходу.

Когда вышла на улицу, мне показалось, что я не доехала. Мы стояли на дороге из камней, присыпанной пылью. Хостелов, которые принимают с собаками, не было. Я нашла один самый дешевый, который тоже не принимает, но решила попытать удачу при личном знакомстве.

Нашла я его не сразу. Это был голубой домик с большим балконом и крышей из пальмовых листьев. На разбитой бетонной лестнице стояла гурьба полуголых загорелых пацанов, над ними краской нарисован адрес, который мне нужен. Судьба.

Хостел оказался предельно маленьким. Одна общая комната из пяти двухъярусных кроватей соединяется с прихожей-проходной, в углу уютится кухонька, а рядом — вход на балкон. Дверь открыл стройный загорелый аргентинец. Глаза янтарные. Брови черные. Волосы слегка завиваются. Когда одна прядь выпадает вперед — он похож на молодого Джонни Деппа. Матео. Его зовут Матео. Мне всегда нравилось имя Тео и имена на «М». Я и понятия не имела, что это можно соединить. Есть такие люди, они по жизни со всеми заигрывают. Два дня назад в ходе расспросов мы с Хавьером определили, что я к ним отношусь. Вот и Матео к ним относился. Я не могла точно сказать, было это персонально направлено на меня

или нет, но искорку в глазах заметила. Рядом с ним было хорошо.

— У нас скромно. Но мы живем дружно, как семья, — сказал Матео, и все сомнения отпали.

Спустя полчаса я уже тащила через мост свой чемодан. Мальчишки сидели на балконе и играли в крохотные магнитные шахматы Матео для путешествий. Он не был в Аргентине четвертый год. Я спросила, не скучает ли он по близким, Матео ответил, что встречает близких каждый день. Сразу после меня в дверь хостела постучался худенький француз лет двадцати семи. Он быстро снял футболку, сел за большой стол на балконе и принялся крутить табак. Три недели назад он расстался с девушкой — они путешествовали по Мексике вместе.

— Три недели? У меня месяц. — Я отбила ему пять. — А какое название у этого места? Это случайно не Heartbreak Hotel¹?

Мы с Матео улыбнулись друг другу. Он тоже играет на гитаре и понял отсылку на Элвиса Пресли.

— Well, since my baby left me, — запела я, — I found a new place to dwell. It's down at the end of Lonely Street at Heartbreak Hotel...²

— Ребята, не беспокойтесь, — сказал Матео, — вы в хороших руках.

В этом месте царил волшебная обстановка. Пол скрипел, почти все стулья разломаны. Но было чертовски уютно. Тот деревянный балкончик с пальмовыми листьями вместо крыши нависал над туристической Саюлитой, словно разноцветный дирижабль, плывущий отдельно, на своей волне. Мальчишки были вылитыми подростками генералами песчаных карьеров. Без денег, но с бандой. Кто волонтерит в хостеле, кто зарабатывает песнями на площади по вечерам. Я прилегла на кровать и на несколько минут отключилась, когда в хостел зашла красивая девушка азиатской внешности, покрытая татуировками-цветами, и стала что-то спрашивать

¹ Песня Элвиса Пресли (англ.).

² «С тех пор как моя крошка бросила меня, я нашел себе место. Оно в конце одинокой улицы в Отеле Разбитых Сердец...» (англ.)

у волонтера на еще более кривом испанском, чем у меня. Ее звали Эми. Эми тоже недавно разошлась с молодым человеком и жила теперь здесь. Она была художницей и обладала абсолютно неотразимой идеальной фигурой, с какого ракурса ни посмотреть. На появление новых людей в хостеле она не обратила никакого внимания и предложила Матео прогуляться на пляж.

— Не могу оставить ребят, давай пригласим их.

Я спала, когда он подошел ко мне и нежно позвал.

— Что с собой нужно взять? — спросила я сонно.

— Ничего. Мы будем плавать голыми.

Матео держал в руках половинку арбуза. Оказалось, если приложить немного усилий и прогуляться через джунгли, можно выйти на абсолютно пустой пляж. Матео и Эми шли впереди, босиком по золотому песку, слева — океан, справа — пальмы. Над нашими головами пролетели пеликаны. Не прошло и суток, как я оставила Гвадалахару с ее ставшим привычным устоем, а у меня уже новая семья. В путешествиях семью не выбираешь. Какие попались люди — таких и любишь, таких и ценишь. Какими есть.

Мы выбрали подходящую под хорошую тень пальму, скинули вещи и побежали в океан. Огромные волны не сразу дали пробиться. Я скучала по этим живым стенам любимой стихии, несущимся на тебя. Вода заряжает своей непоколебимой энергией. Выходили мы, вытаскивая друг друга по очереди. Матео обнял и поцеловал голую Эми в макушку. В тени пальм она забила косячок, натянула слэक्лайн, Матео включил музыку и принялся танцевать.

Я смотрела, как он танцует в своей мерцающей (мы отметили это ранее все вместе, пристально уставившись на ткань) рубашке, а затем цепляется за дерево и висит вниз головой. Четыре года он живет в «сегодня». Сама кожа Матео, казалось, блестела от переполненного жизнью хозяина. На заднем фоне походящая на современную Покахонтас Эми гуляет по слэक्лайну в стрингах. Наблюдая за ними, окутанными светом теплого заката на океане, я поняла, как давно не видела свободных людей.

Возвращались обратно мы по темноте, пробираясь через пещеры, залитые водой. В какой-то момент Матео и Эми отстали. В свете луны я отличила их тени и поняла, что они целуются. Мы с другим парнем не растерялись и стали чертить ногами по песку. Он блестел и светился от планктона. В такие моменты отпадают последние сомнения, понимаешь: кто-то точно это создавал. Кто-то с прекрасным вкусом.

Выйдя в город, мы купили овощей в маленьком ларьке и шли домой готовить ужин, когда Матео вдруг спросил меня: — So, how are you connecting with your sexuality after a break up?¹

Это был чертовски хороший вопрос. Что я ответила — не имеет значения. Ведь ты и так до всего додумаешься сам. Все-му свое время. Каждому моменту — своя звезда.

Ты ждал историю про секс? О, его не было. Как-то раз мы поцеловались, и с точки зрения волшебства это было даже больше, чем секс. Я могла с ним переспать. Но Матео уже находился в околотношениях с той красоткой, хоть и не был ей ничем официально обязан. Я многим поступилась за те два года, но одно осталось неизменно: не люблю второстепенных ролей. Особенно в любви.

¹ Так как у тебя с восстановлением интимной жизни после расставания? (англ.).

ГЛАВА 5

ЭСТЕБАН

Я поселилась в маленькой деревне Сан Панчо на берегу Тихого океана и решила залечь на дно. То, что я сюда попала, абсолютный набор случайностей. Как, впрочем, и половина ситуаций в моей жизни. Телефон, на удачу мне (что я, конечно, пойму только позже), разбился так, что ни один туземец не мог его починить. Мне действительно оставалось жить здесь и сейчас. Этим я и занялась.

Как рассказать тебе про Сан Панчо, мой друг?

Я называю такие города «Эффект Отеля “Калифорния”», и каждый англоговорящий поймет, о чем я¹. В них нет времени, фамилий, паспортов, обязательств, будущего и прошлого. Есть только энергия, и она управляет всем.

Не надо проверять карту, и так ясно: здесь очередная сильная точка земли. Каждый объясняет такие вещи по-разному. Одна хиппи сказала, что городок стоит на месторождении хрусталя и притягивает «проснувшихся». Другая поведала теорию, что место зовет тех, кому в него нужно. Третья сказала, тут отмывают карму. Одно наверняка: это особенный город.

Город в одну улицу, упирающуюся в океан. Город с ракушками вместо пепельниц. Город, где собаки бегают без поводков, а люди ходят босиком. Город, который аплодирует каждо-

¹ Потому что «You can check out any time you like, but you can never leave». («Ты можешь освободить номер в любое время, но ты никогда не сможешь уйти») — строчка из песни группы Eagles «Hotel California».

му закату. Город, собравший сливки всех стран, приютивший их здесь, под листьями пальм и звездным небом. Не веришь мне — приходи в среду на открытый микрофон в El Gajo и сам скажешь, что никогда не видел такое скопление невероятно красивых людей.

Именно там я и встретила Эстебана — двухметрового колумбийца с пухлыми губами и рубашкой в цветах. По средам мы находили друг друга случайно в толпе и танцевали сальсу. А потом я решила, что можно найтись и не случайно. А потом оказалась у него дома. А потом он предложил мне массаж.

Эстебан по знаку зодиака — Рак. Я к Ракам не имела никакого отношения, но мне хотелось. Говорят, Раки семьянины и самые преданные ребята из всех. Слабая черта — обидчивость.

«С обидчивостью уж что-то придумаю, — подумала я. — Это легче, чем биполярка Близнецов, блядство Козерогов и непомерное эго Львов».

Так вот, Эстебан предложил мне массаж. Массаж — вещь опасная. Это я знала по одному массажисту семидесяти лет с Бали, которого мне порекомендовала подруга. До последнего думала, что «это нормально», пока он не расстегнул пряжку своих штанов и не потянулся облизывать мне сосок. Но Эстебану было не семьдесят, и массаж он делал из благих побуждений.

Что я ему нравлюсь — было очевидно. Эстебан смотрел на меня как на подарок: заморскую красавицу, блондинку, которая чудом оказалась в его мире. Я смотрела на него как на источник комплиментов, от которых почувствую себя хоть чуточку любимой. После двухчасового сеанса, где меня сжимали крепкие мужские руки, я не выдержала и поддалась искушению. Наш секс был прекрасен, даже слишком, потому что страшнее секса без чувств может быть только чувственный секс без чувств: Эстебан восхвалял меня, осыпал поцелуями, ластился, стремился подарить удовольствие больше, чем его получить. А когда я испытала оргазм — обнял сзади, как обнимал Романов перед сном. Они были одинаковой комплек-

ДАША ПАХТУСОВА

ции, с руками той длины, что загибают в охапку. Телесная память огрела меня пощечиной: я вдруг вспомнила все, совершенно все. Вспомнила, что любила и была любима. А теперь меня обнимает какой-то потный колумбиец и шепчет на ухо сладкие пошлости. Меня перекрыло.

И пока я придумывала, как бы поскорей это завершить, Эстебан сфотографировал мое испуганное лицо и сделал через приложение фотографии наших потенциальных детей. Он показывал их, радуясь и предлагая перспективу.

Я почувствовала физическую тошноту и паническое желание сбежать. Бежала я в прицепе с овцами, который застопила на трассе, и, пока тряслась, с досадой осознавала: оказывается, любви может быть слишком много. Особенно если вы еще не завтракали вместе, а он уже придумал вашим детям имена.

ГЛАВА 6

МАРКО

Приехав в очередной город, я глянула на карту и потащила по брусчатке чемодан в сторону «Селины». Во всем виновата «Селина» — сеть отелей, в которой мне всегда хотелось погостить. Вернее, во всем виноват Алекс — дизайнер «Селины», с которым я переспала. Он напомнил мне о ее существовании и рассказал легенду названия. Мол, Селина — это магическая девушка, живущая в лесу. Заманчиво, правда?

Город был переполнен красивыми молодыми людьми. И, когда я имею это в виду, я говорю о свернутой на второй день пребывания шее. Парни здесь так сексуальны, что не представляется возможным с ними даже заговорить. Да и говорить не хочется, хочется просто прижаться к их прессу и трогать пальцами идеальные черты лица. Но все это я замечу потом... А сейчас я ужасно хотела спать и совершенно охуела от грохота туристического города. Со всех сторон висели фенечки, ловцы снов, этнические платья, кожаные сумочки и ошейники для собак. Собак здесь было море. Пока я терялась в новых и новых проходящих мимо мужчинах, Гоша терялся в новых и новых пробегающих мимо попах собак. С «Селиной» я откровенно рисковала: я уже была в ней в Канкуне и даже пыталась остаться, но выяснилось, что, притом что к ним можно с животными, это касается только отдельных комнат, а не общаг. Однако на сайте это написано не было, и я подумала: может, из-за вируса комнаты пусты и они возьмут нас в общагу. В конце концов, не моя вина, что обратной информации нигде не прописали.

Чек-ина пришлось ждать четыре часа, после чего мне сказали, что в общагу меня не пустят, а единственный другой вариант — это стандартная комната за 80 долларов. Столько же стоила неделя в общежитии. Но сил искать что-то другое у меня не было, и я согласилась. Номер пах сыростью, одна тусклая лампочка освещала только плетёный полоток. Я закинула вещи, приняла душ, злобно выдавливая побольше включенного в стоимость комнаты шампуня, и отправилась искать другое жилье. Ни «Букинг», ни «Эйрбиэнби» ничего не показали, и пришлось по старинке бродить по улочкам. Посоветовали проверить хостел со скромным названием Amazing, нет, прости, THE amazing hostel¹. Я позвонила в дверь. За забором из сетки была видна одна из комнат, оттуда выглянул загорелый, по пояс голый парень.

— Здравствуйте! У вас есть свободные комнаты?

— Да! Подождите!

На самом деле все остальное уже не имело значения. Я втюрилась. Он был прекрасен весь. Кожа будто блестела от счастья, проступали мышцы. Но главное — это его грустно-веселые, огромные, подчеркнутые закрученными ресницами и густыми прямыми бровями глаза. Я бы в них полжизни смотрела. Он стоял посреди комнаты босиком с огромной картой, разложенной на полу. Пришла рецепционистка. Они перекинулись парой слов на французском. Он еще и француз.

Мы удалились с девушкой выяснять мои опции, я была согласна на многое, когда тут такой парень. Но оказалось, что завтра парень уезжает. В общую комнату с собакой меня тоже не пустили. Уходя, я заглянула за дверь того француза. Его не было. Что ж, это жизнь.

«Не цепляйся за очередного мальчишку, Даша. Будут и другие».

«Но эти глаза!»

Рядом был еще один хостел, я направилась туда, и тут на встречу идет этот парень с шестью банками пива. Настроение мое улучшилось. Мы проверили второй хостел, где Гоша

¹ «Прекрасный хостел» (англ.).

чуть не сожрал маленького котенка, а в предлагаемой комнате не было интернета.

— Ну и что, — сказал мне Марко, когда я вернулась. — Читай по ночам книги, это куда лучше твоего интернета.

Спустя несколько минут общения я сказала: «Покажи мне свою карту» — и сократила весь вежливо-ознакомительный разговор. И вот мы уже сидим и изучаем, кто где был и куда поедет. А ехал он в сторону Баха Калифорнии волонтерить в школе для детей из бедных семей и сильно опаздывал с обещанными сроками прибытия. С горящими глазами он рассказывал мне о предстоящем с утра автостопе, о Толстом, Достоевском и Гоголе, которых читает одновременно. Об армии, в которой провел десять лет, катапультируясь из самолетов и изучая Африку, о жизни и обо всем, что его впечатляет. В его рюкзаке была пара футболок, палатка, спальник, электронная книжка и вакуумный пакет. Этот парень пах жизнью. Нет, он ей был! В какой-то момент я про себя задала вопрос, и сама от него посмеялась. Со мной такое бывает.

— Что?

— Да ничего, это слишком глупо, чтобы произносить.

— Все равно произнеси.

— Я хотела спросить: это правда, что все французы — хорошие любовники?

Он растерянно заулыбался.

— Я не пробовал... Я не знаю.

Мы провели вечер на океане, в тихой бухте, среди тусклых огней закрытых кафе и далеких домиков на скалах. Он смеялся над моим алфавитом, я смеялась над его акцентом. Над этим «ву» вместо «who», над «хэल्प» и «куль».

Мы рисовали на песке слова и определяли, какое больше по звучанию похоже на смысл, сравнивая русский и французский. Но, конечно, все, что он произносил, было абсолютно прекрасно, и моего плохого испанского с его плохим английским хватило. Он все просил, чтобы я ему что-то сыграла, и мы дошли до моей комнаты за восемьдесят долларов. Все, на что у меня хватило сил, — переодеться в новую сексуальную ночнушку из секунд-хенда и упасть на честно оплачен-

ные шесть подушек. Столько может потребоваться разве что для секса в интересных позах.

- Ты хочешь остаться или ты хочешь уйти?
- Я бы хотел остаться.
- Хорошо. Но у нас не будет секса, ты не против?
- Конечно, нет.

Я его оглядела. Он был в летних шортах, под которыми обычно у мальчиков ничего нет. Так и оказалось.

- Я могу выдать тебе свои пижамные штаны.
- Я лучше посплю голым. Хорошо?

Он сходил в душ, залез под одеяло и обнял меня так очаровательно, что я даже не успела произнести свое главное правило дружеских объятий: меня обнимать сзади нельзя — это личное. Так я оказалась в одной постели с голым французом. С утра ему нужно было собираться, я сонно записала мой номер на первом попавшемся листке бумаги и снова отключилась.

В десять утра мне пришло сообщение:

«Доброе утро. Пойдем завтракать?»

Мы встретились через час на углу в кафешке с круассанами, выпили прощальный кофе и горячий шоколад. Марко обнял меня и поцеловал в губы. Это было так естественно, как будто мы вместе несколько лет... Может быть, это правда. А может быть, все французы и правда прекрасно занимаются любовью. Как бы то ни было, уехав, он продолжал мне писать и даже прислал видео из школы, где теперь преподает. Я пересмотрела его пять раз и спустя месяц решила до него доехать.

Мне попались мальчишки из Израиля, которые как раз ехали в ту сторону на старом вэне. Вместе мы пересекли пролив на пароме, который высадил нас в городе Ла Пас. Дальше парни из Израиля ехали на юг, а мне нужно было на север.

Автобусы в Мексике — вечная рулетка. То не салон, а сказка: кожаные сиденья, водичка бесплатная, вай-фай, наушники, полный комфорт, то... То, что было в этот раз: разорванные сиденья, в туалете — ни бумаги, ни воды. На вопросы водитель ответил: «Это Мексика».

Всю дорогу автобус мотало с такой силой, что пару раз, находясь в туалете и натягивая штаны обратно, я вылетала в салон прямо так, со спущенными, пробив телом дверь.

Спустя сутки автобус остановился посреди ничего.

Вокруг горы и жилые конструкции из картона и палок. На этом фоне несколько перепачканных человек: женщины с детьми на руках и мужичок с лопатой. И вот, когда я уже было подумала, что дело труба, — за окном появился лучезарный Марко.

Следующие несколько недель я прожила на территории религиозной общины в пустыне, на берегу океана. Здесь располагались огромные плантации клубники. И пока переселенцы с юга страны трудились не покладая рук, их дети были оставлены без присмотра. Каждый день мы преподавали английский и играли с детками самого разного возраста. Нам выделили второй этаж заброшенного здания. Здесь была школьная доска, пара пластмассовых столов и с десяток старых стульев. Помню, предложила помыть полы, и тот мальчик, что постарше, принес откуда-то ведро грязной воды. Никакого водопровода здесь не было. Меня тогда поразило, как быстро эти дети полюбили нас, двух волонтеров из невообразимо далеких стран. Мы показывали точки на карте, откуда родом, и ребята не могли понять, как мы вообще оказались здесь. После занятий они играли в футбол сдутым мячом. Вокруг не было ничего, кроме пары таких же недостроенных конструкций.

На территории, где мы жили, было запрещено примерно все: пить алкоголь, курить сигареты, ходить в комнаты друг друга, так как мы мальчик и девочка. Мы, конечно, делали все три вещи, но с чувством особого трепета и абсолютного восторга. Из еды нам были предоставлены полки просроченных консервов из Америки, крупы и самые дешевые овощи. Чтобы помыться — воду грели в кастрюле. Чтобы постирать вещи — заливали ковшом воду в стиральной машине на улице. Чтобы поймать интернет — залезали на чердак со старыми виниловыми дисками, книгами на испанском и швейной машинкой.

Было чертовски холодно. Гоша набирал несметное количество насекомых за день, а потом залезал ко мне под одеяло.

Я научилась чувствовать во время сна, что по мне ползет клещ, и ловить его до того, как он в меня вцепится. А потом заболела ковидом и еле передвигалась. И все-таки, по каким-то загадочным причинам, мы были счастливы. Наверное, именно потому, что у нас ни хрена не было. Такова она, блядская природа человека: мы не ценим ничего, что дается нам легко и остается надолго.

Бывало, я порывалась сбежать. Потом шла мыть посуду, вода оказывалась не ледяной, а просто прохладной, и все вдруг становилось не так страшно. Школьная смена заканчивалась днем, дальше мы были предоставлены самим себе.

Марко никогда не скучал. У него был Толстой с его «Войной и миром».

Я же прыгала вокруг него как ребенок, прося меня развлечь. Одно было наверняка: я его совершенно не понимала. Мне казалось, что раз он звал меня — между нами что-то будет. Декорации для романтической истории подходили как никогда. Мы в совершенно диких нам условиях проживаем уникальный, меняющий мировоззрение опыт, один на двоих.

Близость с людьми измеряется не количеством хорошего и плохого, прожитого вместе. Она измеряется силой эмоций, и больше ничем.

Он целовал меня в макушку. По-школьному заигрывал. Я писала ему письма на французском на вкладышах от вилки — другой бумаги не было. Он — на английском и подкладывал их под дверь, прижав камнем. Один раз, когда простуда меня сравнительно отпустила, мы все-таки дошли до того, чтобы переспать, лежа в спальнике поверх заржавевшей сетки кровати из казенного учреждения 1990-х. Дачной классики, провисающей до пола. Даже при таких условиях все было очень здорово. Тут Марко остановился на середине и сказал, что продолжение будет в следующих сериях.

Но следующей серии так и не случилось.

Я опаздывала на работу, меня подвез мужчина. Это увидели жители общины. Оказалось, что по местным правилам нахождение свободной девушки в одном автомобиле с женатым мужчиной — несусветное преступление. Наш начальник, тол-

стый и крайне неприятный кореец, был непреклонен. И меня прогнали. Я надеялась, что Марко либо отстоит меня, либо поедет со мной. В конце концов, поставь он вопрос ребром и скажи, если она, то и я, — у корейца не осталось бы выбора.

Но Марко остался. Это был еще один поступок, который я не поняла. Все это показалось мне событиями в стиле «а я тебя — нет». Но спустя пару лет, листая старенький блокнот, я остановлюсь на странице с неизвестным мне почерком. Это будет еще одно письмо от него с большим количеством любви и благодарности. Марко так и продолжит писать мне иногда в соцсетях, спрашивать, где я и как. Чужая душа — котенки.

Тем временем я продолжала проживать расставание. Меня накрывало волнами, и в той самой пустыне некуда было бежать от мыслей и чувств. Мне была не так обидна потеря конкретного человека, сколько тот факт, что нужно все начинать сначала. Я не хотела быть ничьей. Мне нравилась семейная жизнь. Нравилась забота о человеке, совместные мечты и планы.

Я призналась в своем страхе отцу. Что, если я так никогда и не встречу того самого человека? Папа сказал следующее: «Ты не можешь поменять реальность, но ты можешь поменять свое отношение к ней. Попроси у бога любимого человека. Обозначь, что хочешь. А потом добавь: “Но если у тебя на меня другие планы, если мне суждено прожить эту жизнь одной — помоги мне принять это со смирением”».

Подобное «суждено» было губительным. Вся моя жизнь спонсирована жаждой любить. И насколько тот совет был полезен, настолько и разрушителен. Мне было дико о таком просить, но я пересилила себя — и это случилось. Я действительно смирилась с тем, что не встречу того самого человека никогда..

И это привело меня к странному стилю жизни...

Привет, Марко!

Пока ты преподаешь детям в школе, я сижу в своей комнате и изучаю в зеркало язык. Когда ты последний раз внимательно рассматривал свой язык? Мне кажется, такие места, как эти, созданы для того, чтобы остановиться и заметить жизнь.

На самом деле язык я изучаю, потому что он, как все лицо, болит. Вдруг я вообще заболела ковидом? Тогда нам всем крышка. Могу еще и детей заразить. Хотя дети вроде не болеют? Но если не болеют, почему тогда закрыты школы?

Сказать, что мне хреново, — это, конечно, ничего не сказать. Самое ужасное, что и собака вся в насекомых... И я не представляю, как спасать его от них. Если Карина уедет, мы с тобой останемся совсем вдвоем. Она сказала, что Кевин не хочет, чтобы сюда приезжали другие волонтеры.

Надеюсь, я выздоровею и адаптируюсь к погоде. Мне не хочется сдаваться. Детишки прекрасные, и это так здорово — заниматься с ними. Но все остальное пока, конечно, приводит в ужас. Я попросила у Кевина купить яйца с чувством, что просила черной икры.

Наверное, после десяти лет армии для тебя такая обстановка кажется родной? Говорят, солдаты никогда не возвращаются с войны. Расскажи, что тебя манит в такой работе? Видишь ли ты в ней романтику или это просто способ жить в путешествии?

И вообще, что делает тебя счастливым? Ты вчера, когда я задавала вопросы, сказал мне: «Их слишком много». Но что нам тут еще делать, кроме как узнавать друг друга?

Надеюсь, мы станем друзьями. А может быть, и нет. Мне сложно угадать, что ты чувствуешь, что думаешь. Я понятия не имею что. Ты рад, что я приехала? Мне вчера показалось, что я тебе не интересна. Ты так посмотрел задумчиво в сторону, когда я лежала голой на тебе, что стало страшно. Знаешь, ты первый парень, который мне понравился за долгое время. Не знаю почему. Наверное, это все твои глаза. Они у тебя какие-то чрезмерно добрые. Бывают добрые грустные глаза. Вот у тебя такие. Тут тяжело и хочется уехать. Но каждый раз, когда ты смотришь на меня, я улыбаюсь как дурочка, и все проходит.

Холодно. Пойду перепишу теперь это все на французский. Наши попытки друг друга понять, словно метафора на то, как мир пытается сам себя познать.

ГЛАВА 7

ВАЛЬДЕМАР

И вот спустя три месяца я вернулась в Москву. В России началось сладкое долгожданное лето. Девочки в сарафанах, рассветы на кухнях, студенты с вином у паркетов и обманное чувство, что «наверное, вообще не надо будет умирать». Какое это лето, если в нем нет романтики?

И снова «Тиндер». И снова свидания, на которые я никогда не умела ходить.

Моего избранника звали Вальдемар. Отец Вальдемара был африканцем, мама — русской.

Вышел двухметровый красавчик метис, который почему-то говорит на твоём языке без акцента. В России он смотрелся как скаковая лошадь с родословной среди деревенских исхудалых кляч. Мне казалось, я его выгуливаю. У нас не было ничего общего, кроме явного желания прикоснуться друг к другу. Вальдемару было тридцать шесть. Он увлекался баскетболом, массажем и астрологией, а ещё жил с мамой, бабушкой, сестрой, дочкой сестры и никогда в жизни не зарабатывал денег. Как такое возможно — я не поняла. А потом как поняла. Дело в том, что Вальдемар был профессиональным... жиголом. Находил состоятельных дам, задаривал их вниманием, комплиментами, таким сексом, который нравится именно им, а они обеспечивали Вальдемара в благодарность.

Кажется, это называется эскорт.

Мне предоставлялась возможность переспать с ним совершенно бесплатно. Ладно, я купила ему чизбургер. Но встре-

титься было негде. Я сама гостила у родителей. А секса хотелось. Более того, я понимала — будет вкусный секс, а я за тридцать лет успела стать гурманом.

— Мы могли бы пойти в отель, — сказал Вальдемар. — Правда, у меня нет на это средств.

У меня они были. Я решила, что эта история настолько уникальна, что обязана в нее ввязаться. Сняла номер. И парня. Парень пришел с огромным вибратором и ликером мамы в рюкзаке. Сам он не пил — это было мне, чтобы расслабиться. Я расслабилась заранее: мы провели веселый холостяцкий вечер с подругами в стендап-клубе, выпили по коктейлю. Затем я поведала о своем плане. Они сказали, что я дура.

«Значит, точно нужно идти», — подумала я.

Секс был как по заказу: со всеми предполагающимися составляющими.

Вальдемар с наслаждением отработал свою ночную смену, но не с большей отдачей, чем стриптизеры в «Эгоистке». Почему я знаю что-то о стриптизерах в московском клубе «Эгоистка»? Рада, что ты спросил.

Посещение данного заведения было приурочено ко дню рождения близкой подруги. Нас было трое. Я, она и ее знакомая, Зина. Зина нелегально продавала черную икру и спала с богатыми мужчинами, которые ее обеспечивают. В любовников она подбирала только «сильно женатых». «Сильно женатые» начинались от трех детей. Зина закручивала закулисный роман, а затем давила на чувство вины, мол, как же так, я тебя люблю, но не могу быть с тобой полноценно... Бу-бу-бу. И мужчины платили.

— То есть они просто проводят с тобой время и платят?

— Нет, конечно. Мы трахаемся. А потом они дают мне деньги.

— И сколько дают?

— Семьдесят. Не все платят деньгами. С некоторыми я езжу на отдых. Они все оплачивают, дарят подарки... И дают денег сверху.

Технически выходит, что Зина — проститутка. Но никто из нас, конечно, это так не назвал. Я назвала это «интересным образом мышления». В своем исключительно денежном отно-

пении к мужчинам Зина звучала предельно уверенно. Копнув чуть глубже, я поняла, что ее история более чем классическая. Сначала бедность, потом парень, ради которого она воровала в продуктовом. Потом какой-то пацан, который разбил сердце.

Однако Зинин букет ко дню рождения был в пять раз больше моего. Пока мы с подружкой пили «Ягер», заедая его апельсином, разрезанным пластиковым ножом, Зина качала попу в красном белье, затем надела на себя вечернее красное платье, накинула латексный плащ и заказала нам бизнес-такси. В целом была за ней какая-то правда. Просто эта правда не моя.

Роскошный автомобиль высадил нас у горящего пороком слова «ЭГОИСТКА» — главного клуба мужского стриптиза в Москве. Перед нами открылся лифт в мягкой красной обивке, с кожаной кушеткой! Кушеткой! И понес нас вниз, в преисподнюю... или рай, тут как поглядеть.

Следующий час я держалась ладонями за лицо. Мне казалось, что мы в Диснейленде для девочек. Танцоры сменяли друг друга... Моряки, игроки в гольф, уличные мальчишки, полицейские, воины... Все наши фантазии оживали на шатающихся от ритмичных движений декорациях. Девушек было крайне мало, и мальчики смотрели на нас, подмигивая. Мы, в свою очередь, единогласно выбрали самого красивого. Стройный, молодой, с длинными белыми волосами, собранными в хвост. Время летело незаметно. Быстрые ритмы музыки сменялись на спокойные, и тогда некоторые из танцоров выходили пригласить нас на медленный танец. Один из них, низенький, но мускулистый, мастерски закинул меня на руки и покрутил как принцессу.

Одиннадцать превратилось в час, час — в два, и я стала замечать, что самые красивые танцоры разместились рядом с девушками за соседним столиком. Девушки эти были не самой очаровательной внешности. Одна — в тельняшке, прикрывающей солидный живот, другая и вовсе на костылях, ее везде носил красавчик-танцор, а блондин, на которого мы засмотрелись, обнимал девушку в тельняшке. Я глянула в Osborne's menu — меню услуг клуба.

«Романтический вечер с танцором 30 минут — от 2000 рублей».

Красавчики от девушек больше не отрывались, и я поняла: дамочки их купили. Это несоответствие было очевидно: шансы, что накаченный молодой блондин, больше смахивающий на жеребца в мужском обличие, нежели реального человека, заинтересовался этой морячкой близки к нулю. Я невольно вспоминала, как сидела точно так же рядом с клиентами в подпольных клубах Лос-Анджелеса и отыгрывала заинтересованность. Но на самом деле, в спектакль играют оба: работник делает вид, что клиент ему и правда нравится, а клиент делает вид, что это по-настоящему. Блондин встал и ушел с той дамой. В том же здании, что и клуб, были отельные номера, а в том же меню, где был «романтический вечер» имелась опция «уволить танцора», что означало его снять. Блондин вернулся через два часа, потрепанный и уставший. Во мне разыграло то, что играет в каждом мужчине, когда он впервые встречается с красивой проституткой. Мне захотелось его спасти. Сказать: «Ты еще такой молодой, давай уйдем отсюда! Я что-нибудь придумаю! Найду тебе классную работу...»

Шел пятый час, и сцена стала опускаться в... Бассейн. В нем осталось трое мужчин, которые приглашали желающих девушек присоединиться. Я решила, что хочу полноценного опыта и согласилась. Танцор по имени Артур принял меня обрабатывать. Между сексуальными танцами и смолл-током он добавлял: «ну, точно нужно ко мне на массаж» или «ну, точно нужен приват». Артур в этом бизнесе двенадцать лет, он знает, как это делается.

– А ты откуда? – спрашивает.

Вопрос показался мне странным. Может, это место отмечено в «Трип Эдвайзере», и сюда заходят только приезжие?

– Из Москвы. А ты?

– Из Калининграда.

Страйк.

– Я жила там...

– А?

– Я жила там!

– На какой улице?

На секунду всплывает картина. Наш с Романовым дом. Солнце заливает тротуар. Я иду из парка домой. Всегда одна. Мне неуютно от того факта, что мы живем с его бабушкой и братом. Как будто я каждый раз захожу в чужой дом.

– Я не помню.

Я и правда не помнила. Как не помнила всё, что лучше забыть. Слева от нас в бассейне сидел красавчик, который тоже исчезал куда-то (вернее, в кого-то) на всю ночь, и теперь просто чиллил. Другой красивый болтал с моей подругой, она подошла к бассейну и стала его поглаживать. А я задала Артуру единственный вопрос, который мне был интересен.

– Ты еще умеешь влюбляться?

– Влюбляться? Девочка, мне тридцать пять! Я дважды был женат! У меня сыну девять лет. Какая любовь? Нет никакой любви! Кому она нужна?

Уровень воды стал понижаться. Артур протянул мне халат и распаковал одноразовые тапочки. Мокрая, уставшая и опустошенная, я спустилась обратно к нашему столику. Всё, чего мне хотелось – это исчезнуть отсюда и больше никогда не приходить.

Так вышло и с Вальдемаром. Я сходила в душ, поблагодарила его за ночь и вызвала себе такси. Он остался дожидаться открытия метро. Сидя на заднем сидении, я наблюдала как просыпается не верящий слезам город, и думала: странно... Я только что занялась сексом как мужчина. Но в этом не было ничего удовлетворительного.

Я всегда буду трепетно любить проституток Эта профессия из покона веков сокращает количество насилий, поломанных судеб и необдуманных измен. Проститутки берут удар на себя. Есть в их работе что-то про исповедование. Из многократных разговоров по душам с ночными леди я знаю, как часто клиенты просто хотят, чтобы их погладили и выслушали...

Эскорт в этом смысле тоже прозрачно честен. Услуга за услугу. Как сказал Вася Аккерман, все отношения сводятся к простому вопросу: «а что ты мне можешь предложить?». И все-таки, мне хотелось бы верить, что хоть что-то в этом безумном мире еще делается по любви.